

Г.Н. КРАВЧЕНКО

Надо
жить...

Галина Кравченко

Надо жить

«Издательство «Перо»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Кравченко Г. Н.

Надо жить / Г. Н. Кравченко — «Издательство «Перо», 2021

ISBN 978-5-00171-903-8

Уважаемый читатель! Вы держите в руках своеобразное эссе-размышление о конкретной жизни женщины. Кравченко Г.Н. – заслуженный работник Республики Коми – изложила некоторые, возможно, не слишком отточенные мысли, суждения и выводы о своей жизни. Это исповедь о том, как конкретная человеческая жизнь провалилась в расщелину между двумя историческими эпохами, когда одна эпоха закончилась, а другая еще не началась. И сколько таких жизней улетело в эту пропасть, мы не знаем. Свою творческую работу Галина Николаевна посвятила своим любимым, рано ушедшим из жизни сыновьям, с уходом которых прервалась ее родовая нить. Старший сын Гена погиб в возрасте 20 лет в Афганистане, а младший, Сережа, умер в возрасте 33 лет по причине медицинской ошибки. Автор выражает благодарность Четвериковой Л.В., Теребихиной Д.С., Шевелеву Н.В. за помощь. Благодаря их поддержке эта работа увидела свет. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00171-903-8

© Кравченко Г. Н., 2021
© «Издательство «Перо», 2021

Содержание

От автора	6
Детство для всех – словно чудо природы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Галина Николаевна Кравченко

Надо жить...

*Посвящаю данным мне Богом моим лучезарным сыновьям –
Геночке и Сереженьке*

*За что же, Бог, к тебе уходят дети?
А жить ты оставляешь матерей...*

В. Жильцова

От автора

Самая быстрая бегунья в мире – это наша жизнь.
Наталья Розбицкая

1966 год. Мне было 17 лет, моему мужу Виктору – 19. Мы были молодыми, здоровыми, красивыми. Мы ехали в далекую северную республику. Я стояла на Ярославском вокзале, сторожила чемодан, пока муж компостировал билеты. Глаза по пять копеек – в Москве впервые. Ко мне подошла пожилая женщина и спросила: «Куда ты едешь, деточка?». Я ответила как есть. Она покачала головой и сказала: «Какой же долгой тебе покажется жизнь!». Не знаю почему, но эти слова врезались в память. А мне жизнь долгой не казалась, она летела со скоростью звука. И вот мне уже 70 – есть повод задуматься о том, как прожита моя жизнь.

Уважаемый читатель! Вы держите в руках своеобразное эссе-размышление о моей жизни. В нем изложены некоторые, возможно, не слишком отточенные мысли, суждения и выводы о том, как конкретная человеческая жизнь провалилась в расщелину между двумя историческими эпохами, когда одна эпоха закончилась, а другая еще не началась. И сколько таких жизней улетело в эту пропасть, мы не знаем.

Эту книгу я посвящаю своим любимым сыновьям, Геночке и Сереженьке, с уходом которых прервалась моя родовая нить.

Идею ее создания мне подсказала моя подруга, директор женской гимназии города Сыктывкара, Валентина Васильевна Кулимова, которая предложила написать размышления о том, что я думаю о своей прожитой жизни длиной в 70 лет.

Женская гимназия города Сыктывкара реализует проект – создает цикл рассказов о женщинах, которые в свое время активно участвовали в государственной политической и общественной жизни Республики Коми. По мнению Валентины Васильевны, эти рассказы будут полезны для девочек, которые проходят обучение в женской гимназии и готовят себя к будущей непростой жизни – жизни женщины.

Эта работа родилась в год 30-летия вывода советских войск из Афганистана. Война в Афганистане – это не только моя пожизненная боль, так как она унесла моего старшего сына Гену. Это боль 15 тысяч матерей великой страны СССР, потерявших своих сыновей на этой войне.

Судьба никогда не была ко мне благосклонна. Я потеряла то, что никак нельзя было терять – моих замечательных, горячо любимых, взрослых сыновей, данных мне Богом. И с ними ушла моя прошлая жизнь, где были любовь, счастье, работа, друзья и смысл жизни. В один миг все вокруг приобрело цвет траура. Я не по книгам знаю, что когда женщина теряет своих близких, а особенно детей, она начинает по-другому существовать. Потеря детей в мирное для страны время – это противоестественная, невосполнимая человеческая трагедия. Я не нахожу ответа на вопрос – в чем моя вина, почему так сложилась моя судьба?

В работе над этим повествованием пришло осознание того, что в этом мире можно искать все, кроме любви и смерти. Они сами тебя найдут, когда придет время. После трагедии я словно зависла в воздухе. Мне уже не 20 и не 40. В моем возрасте люди продолжают жить, некоторые доживают. А мне опять начинать? Анализируя свою жизнь, делая какие-то обобщения и выводы, я пришла к заключению, что НАДО ЖИТЬ. «Помирать собирайся, а поле сей», – гласит народная мудрость. В моей личной жизни наступило время, когда по-новой приходится искать смысл своей жизни. Ведь Господь Бог зачем-то оставил меня на этом свете?

В этой работе нет лакировки действительности. Я изложила события, как я их понимаю, без претензии на истину в последней инстанции. Возможно, это повествование поможет кому-

то лучше узнать описанный мною период развития нашей республики. Возможно, кто-то прочитает и задумается над смыслом своей жизни и сможет что-то поменять в ней к лучшему.

Эту книгу написала женщина, которая перешагнула 70-летний рубеж жизни. Жизнь на исходе. Как жить в гармонии с собой?

Это моя своеобразная исповедь на краю бездны тем, кому я обязана своим счастьем.

Это благодарность людям, с которыми меня свела судьба и которые сыграли в моей жизни огромную роль.

Это напоминание о том, что личное счастье каждой женщины-матери находится в прямой зависимости от мира во всем мире и общего порядка в стране. Но за мир во всем мире, за порядок в стране и авторитет страны за ее пределами надо бороться, несмотря ни на что и вопреки всему. И в этой борьбе женщины-матери должны быть инициаторами. Только мать способна ощутить цену гибели своего ребенка. Никто, даже Бог, не может застраховать каждую от той трагедии, которую переживаю я.

Я вынуждена была понять и принять то, что каждый прожитый мною день – это подарок Бога. Я должна благодарить Бога за каждый прожитый день и быть довольной тем, что у меня есть этот день. Мне еще дано время, и его надо проживать достойно...

С уважением, Галина Кравченко

Детство для всех – словно чудо природы

*Так хочется порой вернуться в детство.
Туда, где нет предательства и зла.
Где не болит еще от горя сердце.
И в душу не врывается беда.*

Валентина Цыганова

Я родилась в СССР. Моя родина – одна из шестнадцати союзных республик, цветущая многострадальная Украина. Моя малая родина, которая начиналась «с картинки в моем букваре», – это село Чуйковка Сумской области Ямпольского района. По тем временам это было большое село, в котором насчитывалось более тысячи дворов. Мое детство и юность пахнут цветами весенних садов, лесной земляникой, молоком, васильками во ржи, чисто вымытой и выбеленной хатой, руками моих горячо любимых и дорогих мамочки, Антонины Павловны и бабушки Варвары Егоровны. Мой год рождения – 1949 послевоенный год.

В 1945 году закончилась кровопролитная Великая Отечественная война. Война унесла из семьи дедушку. В братской могиле на хуторе Михайловском в Сумской области покоится прах 92 человек, в том числе и прах моего дедушки, Шуляка Павла Петровича. На обелиске надпись: «Здесь лежат тела граждан населенных пунктов района, расстрелянных гестаповцами и полицией в августе 1942 г. за связь с партизанами, подпольную работу коммунистов, невыполнение распоряжений оккупационных властей».

Мой любимый дядя, Шуляк Иван Павлович, вернулся с войны живым. Для меня он герой. Дядя награжден орденом Славы III степени, медалью «За отвагу», орденом Славы II степени. В моей образной памяти дядя Ваня вспоминается как большое яркое Солнце. Для искалеченной войной семьи он остался главой семьи, надеждой и опорой, особенно для бабушки, постоянно поддерживал ее материально в том числе. Жил с семьей в Горловке Донецкой области и работал шахтером. Когда дядя приезжал в отпуск, для меня наступал праздник души, именины сердца. У меня появлялись часики, туфельки, платица, косыночки и т. д. и т. п. Для него я была любимой племянницей. Меня он называл всегда не иначе как красавица, а еще – Инга (так звучало первое произнесенное мной слово). Дядя ушел из жизни в возрасте 53 лет. Множественные ранения на войне, несколько пережитых завалов в шахте дали о себе знать.

Я отношу себя к категории послевоенных детей. Из детства я помню, что в нашей семье старались о войне не говорить. Тяжелые годы оккупации нашего села Чуйковки в памяти моих родных и земляков оставили тяжелые воспоминания. Большое количество людей погибло. В селе были полицаи (предатели), которых впоследствии судили. Но в селе оставались жить их семьи. И жизнь, к счастью, продолжалась. Детей щадили. Мы, сельские дети, жили по-детски. Учились в единственной в селе восьмилетней украинской школе, которая располагалась в поповском доме, сидели за одними партами, дружили. В наши детские головки родителями ненависть не закладывалась. Во взрослой жизни послевоенные дети сами выбирали свою дорогу и впоследствии сами разбирались, с кем можно было дружить, а от кого надо было держаться подальше.

С двух лет я воспитывалась отчимом, Кравченко Василием Марковичем. В народе таких девочек называют падчерицами. Я это слово и сейчас ненавижу, потому что оно созвучно слову «ящерица». А в детстве я об этом не задумывалась. Оно просто резало мне слух, вызывало обиду, когда я слышала за своей спиной шипенье досужих взрослых, произносивших его. Но я летела по жизни, мечтала о высоком, навеянном моей детской чистой душе книгами, учи-

телями, моими мамой, бабушкой. Став уже совсем взрослой, приобретая житейский опыт, я стала об этом размышлять, расставлять акценты и вспоминать людей, которые имели для меня большое значение.

По сегодняшним меркам многие считают, что родители, которые воспитали мое поколение, были довольно жестоки. Лично я так не считаю. Это мнение в обществе культивируют те люди, которые, с моей точки зрения, развалили мою страну. Да! Мы росли, боясь вляпаться в неприятности. Нас заставляли делать работу по дому и ждали, что мы будем нести ответственность за то, чтобы хорошо выполнить эту работу. Если мы совершали глупые ошибки и капризничали, нас наказывали. Мы ели то же, что и все, а не выпрашивали что-то вкусненькое. Мы одевались в то, что нам покупали, а не в то, что нам порой хотелось. От нас ждали, что мы будем хорошо учиться в школе и осознавать, что от этой учебы зависит наше будущее. Мы выросли воспитанными, интеллигентными, образованными людьми, которые имеют представление о морали, уважают закон и старших. Я благодарю Господа за то, что у меня были именно такие мама и папа.

Своего отчима я всегда называла папой. Меня никто этому не учил и никто не заставлял называть его папой. В моей жизни это сложилось естественно, как смена дня и ночи. Я считаю Василия Марковича своим отцом и благодарна ему за то, что он научил меня, в первую очередь, ответственно относиться к работе. Слово «надо» для меня – закон до настоящего времени. Я умею делать всю деревенскую работу. Я не понимаю словосочетания «мне скучно» или «мне нечего делать». И в жизни его наука об отношении к работе мне очень пригодилась в далекой Республике Коми.

Мой отец из многодетной семьи, инвалид войны. В их семье вместе с ним было 8 детей. Прах его отца, а моего дедушки, его брата, а моего дяди, также покоятся в братской могиле, где похоронен и мой дедушка по маминой линии. Брат отца, Кравченко Степан Маркович, мальчик 17 лет, в 1942 году водрузил красный флаг над немецкой комендатурой – за что и был расстрелян гестаповцами. Бабушка Ульяна Кузьминична – мама отца, родившая и воспитавшая 8 детей, была очень мудрой и доброй женщиной. Сестры и брат отца, а для меня – это тети и дядя, ко мне относились тепло, по-родственному. Чужой в их семье я себя не чувствовала. Я храню рушник, который бабушка Ульяна вышила специально для меня. Помню вареники, которые она мне связала. Помню гостинцы, которые она приносила к нам в дом, и как щедро угощала, когда мы с братом приходили к ней в гости. Предчувствуя свой уход в мир иной, она попросила своих дочерей: «Положите со мной платок, который мне подарила Галка». Платок был голубого цвета. Я угадала, что она его любила. Низкий поклон тебе, моя дорогая бабушка Ульяна.

Отец был очень красив внешне, как мне кажется, и трудолюбив до невозможности. О таких говорят – работяга. Но любил, и даже чрезмерно, выпить. По этой причине обижал маму. Если выпивал, то в доме было не очень хорошо. Я до сих пор ненавижу пьянство. Пьянства и пьяных я патологически боюсь и сейчас.

С разницей в три года в 1952 году в семье появился мой брат – Саша. Счастье, радость, наследник отца. Отец не спускал его с рук на зависть мне. Видимо, поэтому я по-детски проявляла свое превосходство перед братом. Я хорошо училась, а он, как большинство мальчишек, не очень. Не хотела, но приходилось за Сашу решать его школьные задачки, иначе он просто не давал мне выполнять свои уроки. Но в жизни у нас с братом сложились ровные братские отношения. Он унаследовал от отца любовь к детям и ответственность в работе. У Саши три взрослых сына и шесть внуков. В моем понимании, брат как мужчина сделал все, что в жизни нужно: построил дом, посадил дерево и вырастил сына. Это счастье.

Был в моей жизни еще один человек, старше меня на один год, мой двоюродный брат, Игорь. Игорь – приемный сын моего дяди Вани. Он каждое лето приезжал на каникулы в деревню к бабушке. По возрасту, по духу и по взглядам на жизнь мы были родственными

душами. Дядя Ваня очень хорошо относился к Игорю. Он его усыновил. Гордился им. Игорь был обеспечен всем: сначала мопед, затем мотоцикл и т. д. Вся эта техника привозилась из Горловки в деревню. Я с таким братом чувствовала себя по сравнению со своими подружками королевой. Рассекать по деревне с красивым парнем на редком дефицитном мотоцикле «Ява» – не каждой деревенской девочке так везло. Но, видимо, роднило нас с Игорем и наше общее социальное положение – положение детей, воспитывающихся с отчимами. Ребенку все-таки нужны родные отец и мать. Ничто эту пустоту заменить не может.

Впоследствии, окончив автодорожный техникум, Игорь приехал ко мне на Север. Устроился на работу. Женился и навечно остался в земле Коми – рано ушел из жизни. Не пил, не курил, но умер в раннем возрасте от сердечной недостаточности. После себя оставил сына Виталия и внука Игоря.

Отец, работая лесником, а мама – в сельсовете бухгалтером, получая за работу копейки, построили с ноля по деревенским меркам хороший дом. Я была маленькой, но хорошо помню, как родители мечтали быстрее перебраться в свой собственный дом. Как мы, перебравшись в новый собственный дом, жили с земляным полом, который назывался «доловка». Отец в буквальном смысле напрягал жилы, чтобы в доме был достаток.

Вставать в четыре часа утра – это правило моих родителей и большинства сельских семей. Отец очень хорошо знал и любил лес. Он мог до работы пробежаться по лесу и принести два ведра сыроежек, губ (как он их называл). Это было для семьи первым и вторым блюдом не на один день.

На моей родине в лесу много земляники. Папа для ее сбора завозил нас на поляны, которые без преувеличения были красными от ягод. Мы и ели ее непосредственно в лесу, и собирали впрок. До варенья дело доходило редко. Наши с братом желудки вмещали землянику с молоком без остатка.

Сад, который заложили мои родители на пятнадцати сотках глинистой, не очень плодородной почвы, радовал нас многие годы и своими плодами, и тем, как он развивался. Немногочисленной сельской ячейкой общества, семьей, состоящей из четырех человек, мы очень любили и лелеяли свой сад. В нашем саду, кроме плодовых и ягодных деревьев, росли каштаны, кусты смородины, крыжовника, клубники.

Вместе выбирали, покупали на базаре, по тем временам за большие деньги, лучшие сорта яблонь, груш, вишен, слив. Воскресная поездка на повозке, запряженной лошастью, с родителями в город на базар – это для нас с братом было событие. Отец очень любил брата, воспитывал его по-мужски, всегда давал «порулить» лошастью.

В городе был вокзал, через который проносились поезда с незнакомыми названиями разных городов, и большой сахарный завод. Стук железнодорожных колес, запах железнодорожной жужелки (так называли отходы от паровозного топлива), шум сахарного завода, ситро из автомата (газированная сладкая вода), людской гомон базара, традиции сельской жизни, пример родителей – все рождало в наших детских головах разные представления о будущей нашей жизни.

А в саду каждое деревце буквально «облизывалось» для того, чтобы оно родило. Каждый год на новом деревце появлялись одно или два первых плода, которые нам с братом хотелось раньше времени попробовать, но табу отца на такие действия мы ни разу не нарушили. По мере созревания папа приносил в дом яблочко или грушу. Все это разрезалось на четыре кусочка, и каждый пробовал на вкус. Это было счастье.

Родители держали большое хозяйство. Легче назвать, чего во дворе у нас не было, чем перечислить все то, что было. Сколько я себя помню, всегда были корова и лошадь. Лошадь – не большой, но дополнительный доход в семью. Доход выражался не в деньгах, а во взаимной помощи. За то, что отец помогал кому-то вспахать землю или что-то перевезти, люди помогали нам на сенокосе, обработать огород летом. В отличие от большинства женщин нашего села,

мама работала. А корова во дворе – это еда на столе. Возникала проблема, когда корова вынашивала теленка, и молока в доме не было. Всегда выручали сестры и брат отца: помогали друг другу то работой, то продуктами, ведь коровы телились в разное время. Так и жили – дружно, по-человечески.

Я очень ярко запомнила, как отец принес перед Новым 1956 годом в наш новый дом пушистую, высотой до потолка, елку. Всей семьей – отец, мама, брат и я – с большой радостью и с веселыми криками ее устанавливали. Мы с братом клеили гирлянды из бумаги и ваты и наряжали нашу елку. У нас было все свое, мы делали в своем доме все, что хотели – это было наше, наш дом. Как же это дорого душе, с какой грустью сейчас вспоминается, с какой тоской по тому времени!

Сколько хороших слов о своих мамах высказано человечеством! С моей безмерной любовью к моей маме я все равно не способна придумать что-то новое. Мама – это святое. Всероссийская общественная организация «Матери России» реализовывала проект «Письмо маме». Я тоже написала письмо своей маме, Шуляк Антонине Павловне.

Письмо маме

Здравствуй, мама! Бабушка и ты, с того времени как я себя помню, приобщали меня к православной вере. Поэтому я пишу тебе письмо с верой в то, что ты меня услышишь.

Дорогая мамочка! Прости меня за те беспокойство и неприятности, которые я тебе доставляла. И большое тебе спасибо за то, что ты так стоически и мудро относилась ко всем моим проступкам, которые были совершены вопреки здравому смыслу. Говорила, что умные люди учатся на ошибках других, а дураки – на своих. Радовалась, если я понимала и извлекала уроки из своих ошибок. В результате, как мне кажется, из меня получился неплохой человек.

Мамочка дорогая, со временем я, конечно, поняла, как тяжело тебе с отчимом было меня растить. При нашей деревенской бедности ты умудрялась сделать так, чтобы у меня были туфли-лодочки, белые фетровые валеночки, юбочка плиссе, ручные часики «Заря». Платица, ситцевые, штапельные, были всегда со вкусом сшиты бабушкой. Мне очень хотелось шерстяную коричневую в складочку школьную форму. В семье не было денег на такую дорогую покупку. И тогда ты перекроила два своих лучших платья – кашемировое кофейного цвета и маркизетовое синего цвета – и перешила их для меня. Это было счастье. Коричневый и синий цвета – это мои любимые цвета в одежде и сегодня. Я очень хорошо помню, как ты сэкономила копейки, и вы с бабушкой готовили на будущее для меня приданое. Бабушка шила и вышивала, а ты покупала материал, нитки, выбирала узоры.

Я неоднократно слышала от людей, что я от природы хорошенькая. Но мне очень хотелось, как и другим девочкам в деревне, что-то сделать со своим лицом: подвести ресницы, накрутить на гвоздик челку. Но на мои желания ты отвечала жестко: «Не надо». Убеждала просто: «Нэ дав Бог красы – у Чорта не просы». И добавляла, что для девочки самое главное украшение – это чистота и порядок не только на лице, но и в голове. Я так до сих пор не научилась и не стремлюсь краситься. В моем трюмо – крем, лак для волос, помада и духи – вся моя косметика. Стремлюсь держать порядок в голове. Быть честной перед людьми и жить в ладу с самой собою.

Ты очень хотела, чтобы я получила высшее образование. Мама, дорогая, я его получила, окончила три высших учебных заведения. Интуитивно, на подсознании я понимала, насколько было важно для тебя то, что твоя дочь, рожденная вне брака, не дуручка. Я стремилась к тому, чтобы тебе за меня не было стыдно, чтобы ты мной гордилась.

Мама! Ты очень долгое время была в деревне единственной женщиной коммунисткой. Тебе приходилось вопреки всем на Пасху идти на субботах, убирать из дома иконы, ходить на

партийные собрания. И это в деревне, на Украине, где большинство людей были глубоко верующими. Где ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, забота о старших родителях ложилась на плечи, прежде всего женщины, хозяйки дома. У нас в доме хозяйство, огород были не меньше, чем у других семей. А ты должна была работать, участвовать в общественной жизни села и вести домашнее хозяйство наравне с теми семьями, где женщины были домохозяйками. Женщины твоего времени не имели стиральных машин, пылесосов и всякой другой техники, которая помогает вести домашнее хозяйство и без которой современная женщина свою жизнь не представляет.

Ты как член компартии не могла ходить в храм. Но ты не была воинствующей атеисткой: твои дети и внуки – крещенные. В доме, когда партия ослабила свои ошибочные требования к верующим членам партии, сразу же были поставлены на место иконы. Ты молилась и знала молитвы. Но ты глубоко и преданно верила в непогрешимость и справедливость социалистического строя, который исповедовала вся наша великая страна. Принцип «раньше думай о Родине, а потом о себе» для тебя, для твоих родителей, детей и внуков не было пустым звуком.

Каким же горьким было твое разочарование, когда ты поняла, что те люди, которые руководили сельской партийной организацией, относились к своим партийным обязанностям формально. Когда ты похоронила мужа, моего отчима, осталась одна и решила переехать ко мне жить в Республику Коми, ты первым делом решила сняться с партийного учета. Мы пошли с тобой вдвоем за партийным билетом. И секретарь партийной организации на ходу, очень буднично, не пожав руки, не сказав «спасибо» за работу, отдал тебе партийный билет и учетную карточку. Ты покидала свою родину навсегда. Я помню, как ты плакала. Как тебе было обидно от проявленного равнодушия. Ты говорила, что он должен был сказать «спасибо» хотя бы за те взносы, которые ты честно проплатила партии более 30 лет, отрывая копейки от своих детей. Ты не сожалела о том, что ты была коммунисткой. Тебя унизило равнодушие конкретного человека, который, по твоим понятиям, должен был быть другим.

Дорогая мама, в этом письме к тебе на небо я могу с полной уверенностью отметить, что частный случай, с которым ты столкнулась как представитель передовой части сельской интеллигенции, красноречиво подтверждает начало деградации механизма партийного руководства страной задолго до 90-х годов. Для приспособленцев, к категории которых и относился секретарь партийной организации села, главным было решение личных вопросов, а не партийных и государственных. Он совмещал высокую должность в колхозе и одновременно формально выполнял обязанности секретаря партийной организации. Формализм в стиле его руководства заикаливал, людей перед собой он уже не видел, о чем и свидетельствует частный случай, произошедший с тобой.

Ты не отказалась от своих идеалов и до конца дней своих не роптала на судьбу. Будучи фактически прикованной к постели, ты никогда не сидела без дела. Ты интересовалась тем, что происходило в мире, в обществе. Была моим личным политинформатором. В течение дня ты записывала, а когда стало плохо видеть, просто слушала и запоминала интересные выступления по телевизору известных политиков России, Республики и по вечерам все мне пересказывала.

Я потеряла в Афганистане сына Геночку, а ты – внука. Ты переживала все человеческие потери в Чечне как свои. И когда пришло время служить твоим младшим внукам, ты молилась и ждала их из армии.

Дорогая мама! Теперь я очень хорошо понимаю, с каким психологическим комплексом в душе ты прожила жизнь. Ты никогда мне не рассказывала о моем биологическом отце. Хотя вся деревня знала его и то, что я его дочь. Но мне так и не выпал случай хотя бы с ним поговорить. Такова жизнь. Уже, к сожалению, никто не ответит, почему так все сложилось в жизни. Но Богу было угодно, чтобы его сын Женя нашел меня. Мы с Женей изредка переписываемся.

ваемся. Приглашает в гости на Родину. Очень хочется поехать на Родину. Поклониться дорогим могилам, пройти по знакомым улицам и вдохнуть воздух родной земли. Мама, нынешнее время резко отличается от того времени, в которое ты жила. Отличается в отношениях между людьми, в жизненных оценках, в морали и во многом другом. Я считаю, что не имею права никого осуждать и ни на кого держать обиду. Когда я это поняла, мне стало жить намного легче. Не суди, да не судим будешь.

Мама! Одним из твоих любимых тостов был тост, который ты произносила всегда: «За мир во всем мире!». Ты девчонкой во время войны находилась на оккупированной территории, на нашей милой Родине – Украине. Ты мало об этом рассказывала, но отдельные моменты я помню. Ты рассказывала, как ты узнала, что моего дедушку, а твоего папу, Шуляка Павла Петровича, расстреляли немцы за связь с партизанами.

Мамочка дорогая! Самая страшная весть, которую я хочу тебе сообщить – на Украине война. Люди разделились. Фактически я лишилась своей Родины. Собираюсь летом на Украину, но не уверена, что эта поездка может состояться. Война. И ехать туда небезопасно. Теперь я очень хорошо понимаю, насколько значимым для всех нас был твой тост: «За мир во всем мире!».

Мамочка! Как мне тебя не хватает. Не хватает вечеров, которые мы с тобой провели вместе в беседах. Сейчас мне кажется, что этих вечеров должно было быть намного больше. Но нам же всем некогда. Мы все куда-то спешим. Куда? Ты самый дорогой и близкий для меня человек. Для тебя я всегда была лучшей. Время научило меня понимать, что от мамы и хула – похвала. Царствие тебе небесное! Ты была добрая верующая женщина, и я надеюсь, что Бог твою душу принял, и она успокоилась.

*Прости меня, мама, за слезы, сединки,
Что не осторожна была я в словах.
Если бы можно разгладить морщинки
У глаз твоих, губ, на уставших руках.
Спасибо тебе за красивое имя,
Что при рождении мне ты дала.
Ты – Ангел Хранитель, моя ты Богиня.
Спасибо за то, что на свет родила.*

Лариса Гуцина

*Твоя дочечка Галочка
Январь 2015 года
г. Сыктывкар*

Галочка – так меня называли два человека – мои любимые мама и бабушка, мамина мама, Шуляк Варвара Егоровна. Моя бабушка считалась среди своих подруг грамотной – она окончила четыре класса церковноприходской школы. Умела написать письмо своему сыну Ване в Донбасс и дочери Наде, моей крестной, в Тюмень.

Я до сих пор не перестаю удивляться тому, насколько поколение женщин, моих бабушек, в жизни было мудрым и интеллигентным без высшего образования, без интернета, без гаджетов, без психологов, которые уже имели советские женщины, не говоря о женщинах постперестроечного времени.

Моя бабушка до конца своей жизни сохранила верность своему мужу, моему дедушке. Каждую весну, когда расцветала сирень, бабушка одевала свое единственное нарядное длинное платье, срезала ветки сирени с куста, который рос под окном дома, ставила букет в банку с широким горлом на стол, застеленный белой подаренной дядей Ваней скатертью, перед порт-

ретом дедушки. Я наблюдала, с каким почтением она подходила к его портрету и подолгу стояла перед ним в молчании. До сих пор храню скатерть, на которой остался ржавый след от той банки.

На улице, где жила бабушка, все соседки называли друг друга по имени-отчеству. Я никогда не слышала, чтобы соседи ругались. С особенным почтением люди обращались друг к другу в церкви. До школы я с бабушкой была в церкви постоянно. «Не хочу, не буду!» – такое не обсуждалось. Это было естественно. Я иду с бабушкой. Очень сожалею, что мое знакомство с православной верой окончилось при поступлении в первый класс. И вернуться к вере я смогла спустя много лет.

Бабушка для меня в моей жизни – это теплое Солнце. Когда я подросла и могла помогать по дому, то большую часть лета я жила дома с родителями, а на зиму перекочевывала к бабушке. Ее дом находился рядом со школой. Летом бабушку я не забывала. Относила ей молоко. Помогала ей заготавливать «колючки» – хвойные иголки, их собирали в лесу и в мешках приносили домой на подстилку скоту. Ходили в лес за земляникой, за щавелем, за орехами. Немудреный диалог с бабушкой во время совместной работы, а также зимними вечерами с керосиновой лампой – это мой лучший теоретический жизненный университет. Все, что за лето можно было собрать, бабушка кропотливо и тщательно собирала в баночки, мешочки и складывала в кладовку на зиму больше всего для любимого сына Вани. Кладовка всегда была под замком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.